

Будто капля красной туши упала в прозрачные воды озера, этот легкий оттенок быстро расплылся, окутав подобное нефриту лицо розовой вуалью. Не избежали этого и уши с шеей, став такими аппетитными, что во рту невольно слюнки текли.

Будучи единственной зрительницей, Цзян Цюйюй невольно возбужденно прищурила глаза, ее взгляд неотрывно скользил по брови, глазам и уголкам губ Линь Цзинвэй, запечатлевая в памяти реакцию, похожую на смущение.

— Я-то думала, у тебя нет ни чувств, ни страстей, и ты вовсе не умеешь смущаться, — произнесла Цзян Цюйюй, подцепив кончиком пальца каплю бессмертного вина. Ее белоснежный подушечек пальца стал влажным.

Она медленно приблизилась к Линь Цзинвэй и подушечкой пальца, смоченной в вине, принялась ласкать ее губы, полностью перенеся вино с пальца на нижнюю губу Линь Цзинвэй.

Смоченные вином губы блестели, отчего казались еще более мягкими и пухлыми, словно спелый персик, так и манящий сорвать его.

Сяо-су!

Система почуяла неладное и заверещала у нее в голове: Ты не можешь...

Цзян Цюйюй словно не слышала предупреждений системы: она опутала Линь Цзинвэй золотыми нитями, подбираясь все ближе, а ее лисьи глаза заволокло легкой дымкой опьянения.

На макушке у нее уже невольно высунулись две лисьи ушки и возбужденно подрагивали, а их белоснежный пух казался тронутым розоватым оттенком.

В воздухе витал густой аромат вина вперемешку со сладким и сочным запахом спелых персиков, отчего остальные присутствующие в зале тоже слегка захмелели, переставая понимать, где иллюзия, а где реальность.

Линь Цзинвэй же, будучи единственной, кто лицом к лицу столкнулся с ослепительной красотой Цзян Цюйюй, чувствовала, что у нее даже дыхание почти остановилось.

Видя, что атмосфера становится все более невыносимой, Линь Цзинвэй поневоле пришлось отклонить корпус назад, избегая губ Цзян Цюйюй, которые, казалось, вот-вот ее поцелуют.

Однако из-за этого движения вино в ямочке ее ключицы неудержимо пролилось и затекло за воротник, отчего влажное пятно на одежде стало еще заметнее.

Когда раньше Цзян Цюйюй налила вино ей в ямочку на ключице, излишки жидкости потекли по коже вниз, намочив нижнюю рубашку, так что даже на черной верхней одежде проступило мокрое пятно.

Теперь же это пятно явно увеличилось, и плотно прилегающая к телу нижняя одежда промокла насквозь. Линь Цзинвэй казалось, что даже кожа на ее груди была ледяной, а винный дух, казалось, впитался в самую плоть — куда ни кинь вдох, везде ощущался насыщенный персиковый аромат.

В полузабытии она вспомнила тот день, когда впервые встретила Цзян Цюйюй, и от нее тогда тоже исходил персиковый аромат.

Эта девица действительно страсть как любила запах персиков.

У Владыки Демонов не было подобных пристрастий, это чистой воды личная причуда Цзян Цюйюй.

Мало того, она еще любила ставить людей в безвыходное положение, любила смотреть, как неприступный цветок на недостигаемой вершине падает в грязь, и наблюдать, как холодная красавица изнемогает от унижения.

В конце концов, репутация Владыки Демонов и без того была достаточно скверной, так что она ни капли не возражала сделать ее еще хуже.

Как бы система ни бесновалась у нее в голове, Цзян Цюйюй оставалась невозмутимой: пока система не вынесла ей реального предупреждения, это означало, что она может позволить себе еще немного вольностей.

Пока она не прощупает границы дозволенного у системы.

Впрочем, Линь Цзинвэй противилась ее приближению, но, поскольку, должно быть, еще никто и никогда не смел так бесчинствовать с ней, ее сопротивление не было сильным — она выглядела так, будто растерялась и не знала, как поступить правильно.

Цзян Цюйюй вовсе не собиралась целовать ее по-настоящему. Задумай она это всерьез, Линь Цзинвэй оказалась бы не в силах помешать, но она все же решила действовать постепенно — в конце концов, главная героиня всего одна, и ей не хотелось загонять человека в угол. Система всё ещё пыталась остановить её. Губы Цзян Цюйюй находились всего в одном пальце от губ Линь Цзинвэй. Опустив взгляд, она с удовольствием любовалась порозовевшими щеками главной героини и её бегающим в смущении взглядом. Насладившись этим зрелищем вдоволь, она лишь неторопливо отпрянула назад.

Линь Цзинвэй и вправду плохо переносила алкоголь. Вино, сваренное из десяти тысячелетних

бессмертных персиков, было очень крепким — от одного лишь его аромата у Линь Цзинвэй закружилась голова, а в глазах всё начало двоиться.

Она прикусила губу, прикусывая собственный кончик языка, чтобы за счёт боли сохранить ясность ума.

Поскольку Линь Цзинвэй не понимала, что именно задумала Цзян Цююй, она не могла заранее её остановить. Уже то, что ей удавалось оставаться в сознании, было великим достижением, к тому же из-за сдерживающего действия Золотой шелковой нити у неё попросту не оставалось свободных сил, чтобы помешать Цзян Цююй.

Встряхнув двумя пушистыми ушками, Цзян Цююй без колебаний наклонилась и кончиком носа потерлась о шею Линь Цзинвэй, втягивая носом густой пьянящий аромат.

Тело Линь Цзинвэй мгновенно оцепенело, превратившись в безмолвную статую; если бы не её всё более тяжёлое и сбивчивое дыхание, Цзян Цююй решила бы, что та ничего не чувствует.

Двойственной демонической Владычице было плевать, насколько невыносимо её пленнице. Пропустив пальцы сквозь длинные волосы Линь Цзинвэй, она прижала ладонью затылок мечнички, не позволяя той отстраниться, а затем высунула кончик языка и, словно пробуя на вкус, лизнула её.

Не зря это вино изготавливали из десяти тысячелетних персиков: оно обладало густым, сладковатым вкусом и было наполнено густой духовной энергией. Для практиков ниже стадии Превращения Духа это поистине сокровище, способное помочь им в постижении Дао.

Но такое прекрасное вино Цзян Цююй в этот момент использовала лишь для заигрываний, щедро испачкав им всю Линь Цзинвэй.

Увидь это те смертные практики, они наверняка бы кровью облились от жалости и принялись бранить её за бессмысленную трату сокровищ.

Впрочем, сама Цзян Цююй вовсе не считала, что расточительствует. Ей было безумно весело, и от одного этого крошечного глотка ей уже казалось, будто она пьянеет.

Она качнула головой, из-за чего её лисьи ушки тоже забавно зашевелились, а из-за спины нетерпеливо выпросталось несколько пушистых хвостов, которые вольно раскачивались в воздухе.

Было очевидно, что она и впрямь опьянела — до такой степени, что уже не могла спрятать уши и хвосты. К счастью, слой алой вуали скрывал её от посторонних глаз, позволяя Цзян Цююй хотя бы отчасти сохранить лицо.

Фэн Ань и Фу Чанлю, стоявшие за красной занавесью, были вне себя от гнева и беспокойства, в то время как Цзяо Юэ и Син Ин снедало жгучая зависть к удаче Линь Цзинвэй — они были готовы на всё, лишь бы оказаться на её месте.

А за занавесью Линь Цзинвэй больше не могла сдерживаться, и сквозь её приоткрытые тонкие губы вырвался обжигающий, полный томительной истомы вздох.

Брови её слегка сошлись на переносице, щеки пылали невероятным румянцем, а некогда холодный и пронзительный взгляд заволокла туманная дымка. Жар поднялся к самым уголкам глаз, окрасив её лицо в персиково-розовые тона и пробудив бесконечную весеннюю смуту.

Буквально секунду назад она ощутила, как что-то мягкое и влажное скользнуло по её коже, оставив после себя обжигающий след.

Тело Линь Цзинвэй едва не превратилось в лужицу воды, когда до неё с опозданием дошло: это был кончик языка Цзян Цююй.

Она превратила собственное тело в винный бокал и теперь усердно смаковала из него изысканный напиток.

Как она может...

Линь Цзинвэй так и не смогла додумать эту мысль до конца, впрочем, вскоре у неё уже не оставалось на это сил: лисьи глаза Цзян Цююй сияли от возбуждения и удовлетворения, она явно всю предвкушала продолжение и намеревалась повторить всё сначала.

Линь Цзинвэй оставалось лишь через силу приподнять руку и опереться ладонью о плечо Цзян Цююй, не позволяя той снова приблизиться.

Её тело казалось совершенно мягким и бессильным, однако жест отказа был непреклонным.

Линь Цзинвэй впервые в жизни решила отказать Цзян Цююй. Когда Цзян Цююй заставляла её массировать ноги, она не отказывалась; приказав ей опуститься на колени, та тоже послушно повиновалась; даже когда её тело использовали в качестве винного бокала, она не выказала гнева.

И лишь сейчас она наконец воспротивилась и не позволила Цзян Цююй продолжать издевательства.

Неужели всё из-за того, что та посмела её облизать? — размышляла Цзян Цююй.

Неужели для главной героини подобный способ унижения оказался куда более невыносимым, чем все остальные?

— Система, неужели главная героиня смутилась?

Система ей не ответила.

Цзян Цюйюй удерживала Линь Цзинвей за затылок, в то время как та упиралась руками ей в плечи. Между ними возникло странное противостояние, и в этой тесноте были слышны лишь сбивчивые, тяжелые вздохи Линь Цзинвей.

Цзян Цюйюй снова попыталась позвать систему:

— Ты сердишься?

Этого не должно быть. Разве система ещё мгновение назад не пыталась уговорить её и отговорить от задуманного?

Интуиция подсказывала Цзян Цюйюй, что что-то здесь не так. Она ослабла хватку на затылке Линь Цзинвей и слегка отпрянула назад. Её глаза, ещё секунду назад затуманенные и томные, внезапно стали темными и ясными, приобретя редкое для неё холодное и отстраненное выражение.

Линь Цзинвей осталась сидеть в одиночестве, с трудом поддерживая своё тело. Её брови и глаза по-прежнему были окрашены винным румянцем, виски увлажнил легкий пот, а прежняя холодная неприступность вмиг разбилась вдребезги — на её всегда чистом и отрешенном лице отчетливо проступило плотское, живое томление.

Жаль только, что такую прекрасную картину некому было оценить по достоинству.

Отступив назад, Цзян Цюйюй убрала свои звериные уши и хвост. Помолчав немного, она наконец услышала мрачный голос системы:

— Ты наконец соизволила её отпустить?

Цзян Цюйюй моргнула, её лисьи глазки изогнулись в привычной ленивой усмешке.

— Она же не хочет мне подчиняться. Я боюсь загнать её в угол, и тогда она прямо сейчас схватит меч и проткнет меня насквозь.

Цзян Цюйюй развела руками и пожала плечами:

— Умирать-то мне пока не хочется.

Система пришла в ярость:

— Так не издевайся над ней подобным образом! Она — главная героиня, у неё есть предначертанный судьбой партнер, как ты можешь...

Цзян Цюйюй опустила взгляд и, дождавшись, пока система закончит, рассеянно кивнула:

— Ладно-ладно, я поняла.

Система подумала: эта сцена кажется до боли знакомой.

Пройдя через наставления системы, Цзян Цюйюй потеряла всякий интерес к дальнейшим издевательствам над Линь Цзинвей. В конце концов, улова за сегодня было более чем достаточно.

Она сидела на троне подогнув ноги, опершись рукой о плечо Линь Цзинвей, и легко подула на неё.

Отуманенный взгляд Линь Цзинвей постепенно прояснился. Она вся покрылась потом, словно перенесла тяжелую болезнь, а руки от слабости не поднимались вовсе.

То, что только что произошло, было для Линь Цзинвей совершенно чуждым опытом, и после пробуждения те воспоминания стали лишь четче и глубже.

Некоторое время женщина и демоница молча смотрели друг на друга, как вдруг выражение лица Цзян Цюйюй переменялось: оно стало мрачным и ледяным, и от прежней мягкости и игривости не осталось и следа.

Управившись с золотистыми шелковыми нитями, она обвила ими талию Линь Цзинвей и без всяких церемоний столкнула её с трона.

С крайним раздражением в голосе она произнесла:

— Несколько дней учишься манерам, а всё как деревянный чурбан. Скучно.

За время их короткого молчаливого обмена взглядами Линь Цзинвей уже успела вернуть часть сил. В конце концов, её духовная энергия не исчезла полностью, да и восстанавливалась она быстро.

Даже упав после толчка Цзян Цюйюй, она не шлепнулась на пол позорным образом, а быстро выровняла равновесие и, пока та не убрала красную вуаль, проворно привела в порядок одежду.

Одежду-то она одела, но вот влажные пятна скрыть было невозможно.

Когда красная вуаль растаяла, Фэн Ань и Фу Чанлю наконец смогли разглядеть, в каком виде предстала Линь Цзинвей. Заметив её насквозь промокшие одежды, оба решили, что та подверглась чудовищному, невыносимому унижению!

Какое-то время они упорно не могли разглядеть ничего сквозь красную завесу — казалось, их глаза затянуло туманной пеленой.

Это определенно проделки той проклятой владычицы демонов!

Фэн Ань едва не пылала от гнева:

— Имеешь смелость — тягайся со мной! Какая доблесть — издеваться над моей старшей сестрой?

Цзян Цюйюй неторопливо вытирала уголки губ заготовленным платком. Её довольный вид заставил Фэн Ань и Фу Чанлю еще сильнее увериться в том, что она жестоко надругалась над старшей сестрой!

Фэн Ань даже представить не могла, в чём именно заключались эти издевательства, но Фу Чанлю был уверен, что правда очень близка к его худшим догадкам.

Достойная уважения владыка демонов обращалась с её холодной, благородной и недоступной старшей сестрой так, словно та была падшей женщиной из увеселительного квартала!

Встретившись взглядами с полными ненависти глазами парочки, Цзян Цюйюй не рассердилась, а лишь усмехнулась. Небрежно отбросив платок, она прикрыла рукой рот и сладко зевнула:

— Цзяо Юэ, уведи её и хорошенько вбей ей в голову правила.

Она кивнула на Линь Цзинвей.

— Что же касается этих двоих... — Цзян Цюйюй на мгновение задумалась, не зная, как с ними поступить.

Цзяо Юэ тут же подкинула бодрое предложение:

— Хозяйка, эти двое потеряли страх и посмели проявить неуважение к вам. Не бросить ли их в Бескрайнюю Бездну?

Глаза Син Инь тоже задорно блестели:

— Или запереть на восемнадцатом уровне Темницы Мрака!

Сдерживая смех, Цзян Цюйюй подумала, что эти две её верные служанки преисполнены лютой ненависти к Фэн Ань и Фу Чанлю, пожалуй, даже превосходящей их неприязнь к Син И.

Она махнула рукой, отвергая идеи Цзяо Юэ и Син И:

— Бросьте их к Фу-лану.

— Пусть как следует посмотрят, как именно я издеваюсь над Цинхэн-цзюнем.

По сравнению с физическими страданиями моральный удар разил куда больнее.

Это был удар в самое сердце, хуже убийства.

Услышав это, Линь Цзинвей едва заметно с облегчением выдохнула.

Она украдкой бросила взгляд на Фэн Ань и Фу Чанлю: с какой стати их учитель позволил третьему младшему соученику и младшей сестричке явиться ей на выручку?

Просто сущая глупость.

В тот же миг система тоже озадачилась этим вопросом:

— В оригинальном сюжете такого эпизода не было.

— Я и сама не знаю, — невинно моргнула Цзян Цюйюй. — Это часом не мешает выполнению моего задания?

— Не уверена, дай мне проанализировать.

— Если совсем прижмет, просто отпусти их.

Цзян Цюйюй изогнула губы, а её вздернутые лисьи глазки излучали томное кокетство:

— Демонический дворец охраняется строжайшим образом, к тому же здесь на страже стою я — владыка демонов на пике стадии Махаяны. Под каким благовидным предлогом я могу их

отпустить?

Система заглохла:

— Но и оставлять их у себя — тоже не выход.

Цзян Цюйюй продолжила мягко подталкивать её к нужным мыслям:

— Послушай, я так издеваюсь над Линь Цзинвей, а она даже не сопротивляется. Разве это не скучно?

— К тому же она пока не любит Фу Син-и. Вдруг её ненависть ко мне окажется недостаточно сильной, и во время финальной битвы она не захочет проткнуть меня мечом?

— Не переживай! Она не станет с тобой церемониться.

— С чего ты взяла?

— В оригинале сказано...

Цзян Цюйюй перебила её:

— События оригинала уже изменились.

Система умолкла.

— Полагаю, лучше оставить их здесь и использовать их жизни как рычаг давления на Линь Цзинвей, — произнесла Цзян Цюйюй.

— Если понадобится, их всегда можно убить.

— Вот тогда Линь Цзинвей возненавидит меня до глубины души.

— Что скажешь?

<http://bllate.org/book/21743/2247867>